

Аркадий КУЛЕШОВ

ЗНАМЯ БРИГАДЫ

**БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 24
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА — 1946**

Аркадий КУЛЕШОВ

ЗНАМЯ БРИГАДЫ

ПОЭМА

*Перевод с белорусского
М. ИСАКОВСКОГО*

Издательство «ПРАВДА»
Москва — 1946

АРКАДИЙ КУЛЕШОВ

Белорусский поэт Аркадий Александрович Кулешов родился в 1914 году в семье сельских учителей в местечке Самотеевичи Костюковичского района Могилёвской области.

В 1928 году А. Кулешов окончил Самотеевичскую семилетнюю школу. С 1928 по 1931 год учился в Мстиславском педтехникуме. С 1931 по 1933 год — на литературном факультете Минского пединститута.

Первый сборник стихотворений А. Кулешова вышел в свет в 1930 году.

В 1940 году Гослитиздат в переводе на русский язык издал книжку стихотворений и поэм Аркадия Кулешова под общим названием «Дубрава».

В 1943 году издана поэма «Знамя бригады», удостоенная Сталинской премии.

В 1946 году отдельной книжкой изданы в переводе М. Исаковского три поэмы А. Кулешова, написанные в годы Отечественной войны: «Знамя бригады», «Дом № 24» и «Цимбалы».

За участие в Отечественной войне Аркадий Кулешов награждён орденом Красного знамени.

1

Как дубовый листок,
 что оторван от ветки родимой,
Минск родной я покинул,
 немецкой бомбёжкой гонимый.

До утра я шагал
Всё вперёд и вперёд... А за мною
Город мой полыхал,
Подожжённый войною.
Утомлённый, я сел у дороги,
Ждал восхода. И в час ожидания
Торопливо набрасывал строки
В дневнике своего скитанья.
День вчерашний и вечер,
Ночь, рассвет этот серый в пути,
Расставанья и встречи —
Всё хотелось в дневник занести.

.

**ЧТО СКАЗАЛИ МНЕ ВЕЩИ,
КОГДА Я ЗАДУМАЛ УЙТИ.**

Я на каждую вещь
Посмотрел с молчаливой тоскою:
Все просили меня — уберечь,
Захватить их с собою.
А ни ложки, ни миски
Остаться одни не желают,

Шепчут горестно книжки,
Что их немцы в костёр побросают.
Конь искусной работы —
Гнедой, на колёсах отличных —
Мне сказал: — На кого ты
Покидаешь нас, горемычных?
Забери ты меня, пожалей,
А не то мне кончина...
Разве ж я от окна до дверей,
От дверей до окна не возил тебе сына?
Как война началась,
Ты, хозяин, в селе находился
И лишь только сегодня
Оттуда к семье возвратился.
А хозяйка вчера
Малышей собрала
И уехала вскоре.
А меня она с горя
С собой на вокзал не взяла.
Не хотел оставлять меня сын,
Дом родной покидая,
Не желал он, чтоб жил я один,
Ни за что пропадая.
«Мы поедem с тобою в район,
Купим снова
Коня гнедого», —
Так хозяйка сказала, и он
Согласился.
Со мной распростился.
Для чего ему новый?
Не надо, хозяин, не надо!
К сыну вместе пойдём мы
Одною дорогою, рядом.
А устанешь в ходьбе —
Подвезу, потружусь, не оставлю.
Верно сыну служил и тебе
Послужу, не слугавлю...

Кукла так мне сказала:
— И я на вокзал не попала...
Сто ночей, может быть,
Я покоя не знала,

Глаз не смея закрыть,—
Сон дочурки твоей охраняла.
Разве ж этого мало?
Дай же руку, хозяин, не жди,
Не раздумывай на пороге
И меня проводи,
Словно дочку свою, по дороге.
Тяжко детям идти,
Утомляет дорога большая,
Я ж пойду, куда хочешь, с тобою,—
Ведь я не живая.
Просят малые есть либо пить,
Пыль сухая им рот забивает,
Я ж не буду просить,—
Я ведь кукла, ведь я не живая.
Самолёты с чужой стороны
Налетают, детей убивая.
Мне ж они не страшны,
Не опасны, — ведь я не живая...
Отдохнуть пожелаешь, прилечь,
Ляжешь в тень под сосною,—
Сон твой зорко я буду стеречь,
На мгновение глаз не закрою...

Всё кругом осмотрев понемногу
В опустевшем жилище,
Захватил я лишь ложку в дорогу,
Заткнув её за голенище.
Ничего ни другого, ни третьего
Для похода не надобно было...

ЧЕМ МЕНЯ МОЯ УЛИЦА ВСТРЕТИЛА ЧТО НА УЛИЦЕ ПРОИСХОДИЛО.

С ней мы жили в согласьи,
Мы были почти что друзьями,
Я не раз ширину и длину её
Мерил своими шагами.
Шаг мой слыша,
Она отвечала мне эхом знакомым,

Приглашая в девятый подъезд
Коммунального дома.

Я глядел, как в окне
Огонёчек приветливый светит
И как там, в тишине,
Собираются спать мои дети...
А теперь она стала
Длиннее и уже намного,—
Как в минуты обвала
Средь горных ущелий дорога.
Не в домах огоньки,
Как бывало, мелькают, играют,
А пожаров сплошных языки
Сладкий липовый лист пожирают.
И узнать я не мог
Этой улицы лип и каштанов:
Эхо тысячи ног
Заглушило мне уши неожиданно;
Подхватило меня, моё горе,
Желанье, тревоги,
По стеклу по разбитому в поле
Понесло мои ноги.

Как листок, что оторван
Грозою от ветки родимой,
Город свой покидал я,
Свинцом и пожаром гонимый.
И, к походам меня приучая,—
Их будет немало,—
Долго улица, долго родная
Мой путь в темноте озаряла.
И на белом листке,
В свете зарев, с печалью на сердце,
Я записываю в дневнике
День и час — страшный час её смерти
Свой дневник до последней строки
Посвящаю я тем, безымянным,
Что лежат без ноги, без руки,
Без дыханья лежат под каштаном.

А тебе я скажу,
Нашей улице Ново-Московской,

Что с друзьями на фронт уйду,
Где сражается красное войско,
Стерли всю тебя немцы,
Но память стереть невозможно.
И стучится, стучится мне в сердце
Твой пепел тревожный.

Я тебе обещаю,
Родным пепелищем клянусь,
Что с дороги нигде не собьюсь.
Я вернусь. Я вернусь.

Что меня полевые дороги
Ведут, — я не верю,
Что по ним мои быстрые ноги
Идут, — я не верю,
Я не верю ногам и дорогам,
Бесконечным, далёким,
Что ведут нас то полем, то логом
Под солнцем высоким.
Я не верю, что это минчане,
Что это минчанам
Молоко предлагают крестьяне
И поят их чаем...
Не свожу с самолётов я глаз
И не верю: ужель самолёты?
Неужели же снова сейчас
Застрочат пулемёты?
Разве можно поверить, когда
Сердце рвётся на части?
Разве дети, что вышли сюда,—
Регулярные части?
Что меня от разбойничьих пуль
Старый дуб заслоняет,—
Я не верю...

**ВОЕННЫЙ ПАТРУЛЬ
ДОКУМЕНТЫ МОИ ПРОВЕРЯЕТ.**

Тихо вышел патрульный из жита:
— Минский будешь? — спросил деловито.
— Да, из Минска, признаться.

— Призываться идёшь?
— Призываться.
— Почему ж ты, приятель,
В минском военкомате
Не призвался?
— Его разбомбили.
Меня пропустили.
Здесь повсюду окопы видны,
Блиндажи — по четыре наката.
Тороплюсь я...

А вот и они —
Местечковые хаты.
Тишина по дворам,
Настежь окна.
Крест-накрест заклеены стёкла.
Смотрят жители: дескать, и нам
Не пора ли
В далёкие дали...
И людей, что идут по дороге,
Провожают глазами в тревоге.

Хата. Хата.
Ещё одна хата.
Вот и вывеска военкомата...
— Как фамилия?
— Рыбка.
— А звать как?
— Алесем.
— Год рождения? — Шибко
Записывал писарь.
— Профессия?..

Стал я сразу степенным,
Иным от подошв до пилотки, —
Человеком военным.
Былой не узнаешь походки.
А из штатских пожитков своих
Взял я самую малость:
Взял, во первых, часы. Сапоги, во-вторых.
Ну, и ложка со мною осталась.

Ложка будет нужна на войне
Для борща и для каши.
Сапоги ж пригодятся вдвойне —
И в бою и на марше.
А часы? Про часы говорят,
Что счастливцы о них забывают,
Что они на часы не глядят,
Что и так хорошо им бывает.
Я ж за тем их забрал,
Что другое мне встретится, знаю, —
Я счастливецом таким не бывал
Да и быть не желаю.
Не желаю я доли такой
В эти дни, когда горе
Разлилося кровавой рекой,
Разлилося от моря до моря.

Я с часами отправлюсь в поход.
Через топи и гати,
И отмечу я — время придёт! —
Час победы на их циферблате!
Где-то слышится грохот орудий,
Где-то начался бой,
Мы идём.
Вызывает Зарудный,
Комиссар полковой.
В этот день комиссар поручил
Мне бригадное знамя,
Чтобы с честью его я хранил,
В битвах страха не зная.

Нам к востоку закрыты дороги,
 И нету подмоги,
 Путь на юг и на север отрезан
 Огнём и железом.
 Мы на месте на прежнем стоим,
 И одно есть решенье:
 Иль с боями пробиться к своим
 Или с честью погибнуть в сраженьи.
 Мы решили шоссе оседлать
 И засели в местечке.

Я хотел бы, но как описать
 Бой за взгорок, за речку?
 Не опишешь, как, сталью изрыта,
 Земля грохотала:
 Как по семь «мессершмиттов»
 На каждую ель налетало;
 Как редели ряды —
 Наши роты, полки и отряды,
 Как не стало начштаба,
 Потом командира бригады;
 Как склонили мы знамя
 Над ними в тот час многотрудный
 И как после командовал нами
 Товарищ Зарудный.

.
 Не опишешь, не выскажешь,— слов
 Мне для этого мало,—
 Как патронов у наших бойцов,
 Как снарядов не стало.

Может быть, бесполезно писать
Мне в такое мгновенье?
Срок настал...

**НАДО ЗНАМЯ СПАСАТЬ.
НЕ ОСТАВЛЯЮ ЕГО НА ГЛУМАЛЕНЬЕ.**

С дровка знамя срываю.
На улицу выбегаю,
Тихо стало на улице.
Тихо.
Что за лихо?
Пулемётчик убитый лежит
За своим пулемётом,
Словно смотрит и слушает: кто там
По тротуару бежит?
Я к нему подбегаю,—
Он честно стоял до конца.
Пулемётная лента — пустая,
Другой не нашлось у бойца.
— Знамя вынес?.. Храни...—
Мне глаза его говорили.—
Честь погибших не урони,
Мы в боях её заслужили...

Я бегу. Вот и пушка за садом —
Искарёжена вражьем снарядом,
А рядом —
Танк немецкий — пылает машина!
Как видно,
Был меткий удар.

Возле пушки лежит недвижимо
Полковой комиссар.
Я хватаю его за плечи,
Его тормошу я рукою...
От него недалече
Наводчик засыпан землёю.
Я к тому. Окликаю.
Наводчик встаёт, запылённый,
И, глаза протирая,

— Ты кто? — говорит удивлённо.
— Свой, не видишь?..
Вдвоём
Легче будет и ближе до цели.

Мы идём.
Комиссара несём
На моей на шинели.
Мы идём, в конопле незаметны.
Бежит за минутой минута..
Мне навеки запомнится это
Суровое утро
И холодная стёжка моя.
Останавливаемся у ручья.
Он течёт через поле в густом лозняке,
По краям его встали берёзы.
Что нам делать? Гляжу я в тоске
На дороги, войска и обозы:
Немцы всюду, везде,
Нет нам выхода боле,
Поле вряд ли поможет в беде,
Потому что запахано поле..
Что ж, ручей, выручай,
Уведи нас далёко-далёко
И кустами плотней закрывай
От немецкого ока.
Мы несём комиссара, и ты
Сделай так, чтоб он выжил,
Чтобы чаще стояли кусты,
Чтоб росли они гуще и выше.
Помоги нам его донести,
Поспособствуй, где можно;
Встретишь вражеский пост на пути,—
Обогни осторожно.
Знамя нашей бригады с собой
Я несу. Знамя чести и славы.
Доведи ж нас до леса, укрой
От беды, от расправы.
* * * * *
Точит камешки, роет пески
Неумолчно ручей беззаботный.

Тихо хлюпают сапоги
По воде по холодной.

БЕЗЫМЯННЫЙ РУЧЕЙ НАС ПРИВЕЛ В ГЛУШЬ, В ЛЕСНОЕ ЗАТИШЬЕ.

Из густого тумана на холм
Мы взбираемся выше и выше.
Комиссар наш в сознание пришёл.
«Выжил,— думаю,—
Выжил...»
Из травы мы постель ему стлали,
Рану бережно перевязали,
И больного водою холодной
Напоил я из фляги походной.
Тут гадать мы не будем —
Рад ли он, что мы были с ним рядом,
Понял, нет ли, что мы — это люди
Из его же бригады.
Я в глазах не увидел ответа,
Он тотчас же закрыл их от света,
И, быть может, закрыл потому,
Что забыться хотелось ему.

Тихо сосны и ели
Над землёю шумели:
Не свистели немецкие пули...
Мы с ним рядом заснули.

Жил лесник со своей лесничихой
Возле заводи тихой,
Возле озера, в чаще глубокой,
От селений далёко.
К тем селеньям знакомым
От жилья лесникова
Шли, конечно, дороги лесные,
Дороги глухие.
Заросли они серыми мхами,
Кустами, грибами,
Заросли, потому что лесник
Колесить по кустам не привык:
Он лишь ради базарного дня
Запрягал порою коня,
Чаще ж он по делам неотложным —
По служебным своим — всевозможным —
Отправлялся дорогой иною,
На лодке водою.

Жил лесник со своей лесничихой
Возле заводи тихой,
Тут-то мы комиссара больного
Положили у хаты сосновой.
Нам воды было нужно,
А фляга — пустая.
И хозяйка сказала радушно,
Берёзовый сок подавая:
— Пейте, милые, сколько хотите,
А товарища в хату несите.

Острых кос восемь штук
Лесниково скрывало застрешье.
Разве ж он для своих только рук
Столько их повешал?
Мы с хозяином косим,
Но об этом не спросим...
Пять сынов или восемь
У хозяина было — не знаем
И допытываться не желаем.
Мы об этом не спросим его,
Потому что не видим ни одного,
Потому что, придут ли с войны
Лесниковы сыны,
Мы не знаем
И тревожить его не желаем.
Видит наши мозоли лесник,
Лица в каплях обильного пота,
И уж знает старик:
Мы от сельской отвыкли работы.
Молча день мы проводим в труде,
Свищут косы стальные.
Как мы жили и где
И посты занимали какие,—
Он об этих не спросит делах,
Ждать не станет ответа,—
Знает так, что на прежних местах
Нас теперь уже нету.

Окликая озёрные дали,
Кукушки с утра куковали,
Будто клёны, берёзы считали,
Комиссару здоровья желали.
Комиссар понимал, улыбался,
Слушал их,
Поправлялся.

С комиссаром у нас
Молчаливый, нерадостный сговор:
Заведём мы беседу подчас, —
О бригаде ж ни слова.
Так семья замолкает порою
Об умершем сыне иль брате. —

Долго имя его дорогое
Не произносится в хате.
Да и незачем боль растревлять,
Похоронен родной и не встанет.
Раны не к чему посыпать
Горькой солью воспоминаний.
Прочь мы гоним воспомин,
Прочь незванный, непрошенный гоним,
Потому что у нас не один,
Не один человек похоронен.
Кто об этом сказал?
Мы не верим в рассказы такие,
И лишь только закроем глаза,—
Вновь стоят, как живые,
Молодые да рослые,
Городские, колхозные
Молодцы,
Побратимы,
Бойцы.
Нет, забыться от горьких тревог
Было нам не по силам.
Удержаться Зарудный не мог,
И про знамя спросил он:
— Цело знамя иль нет?
— Цело... С нами оно...— говорю я.
— Покажи...
Что придумать в ответ?
Показал и себя же корю я.
Развернули мы стяг боевой —
Яркий, гордый и в горе.
Посмотрел он, потрогал рукой
Это знамя, нам всем дорогое.
Еле-еле слезу удержал,
Слабый, хворый привстал на постели,
— Выноси! — мне чуть слышно сказал.—
Без меня...
Мы потупясь сидели,
И, смущение наше заметив,
Он отрезал сурово:
— Не привык я на ветер
Бросать своё слово.
Собирайтесь! Сегодня ж
Пойдёте в поход...

Всех он на ноги поднял.
К сундукам нас хозяйка ведёт,
Достаёт нам дорожные вещи,
Словно мать сыновей собирает.
Вижу, куртку мой друг примеряет
На широкие плечи.
Может статься, сыновний рабочий
Костюм лесничиха дарила.
А куда мы идём середь ночи,
Она не спросила.
Чьё же всё это? Чьё?
Не сказала Прасковья.
Кто носил, не спросил у неё,
Не спросил про сынов я.

Документы прежние спрятаны
За подкладкой, под ватой,
Там же знамя зашито... Пора
Уходить со двора.
Слышны стоны больного,
В бреду комиссар.
— Разве можно оставить такого? —
Печально звенит самовар.—
Ваша спешка его доконала,
Смотрите,
Что сделалось с ним...
Утром хуже Зарудному стало.
Мы сидим и молчим.

Дни прошли, миновали,
Кукушки откуковали.
Мы в просторные лодки входили,
И плыли и плыли.
В даях синих и розовых
Тучки сходилися стайками,
Был закат. Через озеро
Проводил нас хозяин с хозяйкою.
Тихий лес подымался стеной
Над извилистыми берегами.
Комиссар полковой
Был теперь между нами.
Мы его подождали,

И этому рад он душою.
Вот и лодки пристали,
На берег выходим гурьбою.
Всех подряд обняла нас Прасковья,
И губы её задрожали.
— Как родимых сынов, я,
Товарищи, вас провожаю...
— Брось ты плакать, старуха, —
Лесник уговаривал глухо, —
Брось, не надо... —

А сам
Он проводит рукой по глазам.
Распрощались с нами.
Пошли.
Сели в лодки пустые...

По просторам земли
Стёжки нас повели
Полевые.

Месяц стёжку в дубняк
Серебристой осыпал метелью.
Не могу я никак
Со своею освоиться тенью.
Только — верь иль не верь —
Это я в этой куртке короткой.
Отвыкать мне придётся теперь
От военной походки.
Шаг свой полем и лесом
Печатаю под псевдонимом:
Был я Рыбкой Алесем.
А стал Полыном Никодимом.
Да, теперь я — Полин,
А товарищ мой — Ворчик Никита.
А Зарудный — Смирнов: не один
Я иду возле жита.
Ой, скосили его пулемёты,
Под корень скосили!
Сапогами немецкой работы
Его молотили.
Танки, сталью покрытые,
Жито мололи.
Вражки кони копытами
Хлеб замесили на поле.
Тесто кровью враги поливали.
В самом пекле пекли-выпекали.
И лежит, словно камень,
Хлеб немецких пекарен.
На дороге лежит каравай,

Как на белой холстине,
Дармовой — только рот разевай!
С горя, может, разинешь.

Подем трое нас шло
По тропе незнакомой.
Мы решились, мы входим в село,
Слышим крики и гомон,
Окна свет заливают,
Скрипач плясовую играет.
Кто нас может в селе задержать?
Справки с нами, в кармане лежат.
Есть и подпись на них и печать, —
Дескать, выпущены из острога.
А задумают арестовать, —
Мы не маленькие, слава богу.
У крыльца рассказала крестьянка,
Что за пир, за гулянка:
Эту свадьбу справляет Медведский,
Подлиза немецкий.
Он три года назад
Ферму сжёг и судился,
Свет прошёл, говорят,
И домой
Перед самой войной
Воротился.
С ним идёт под венец
Под угрозой девчина:
Не пойдёшь, мол, так мать и отец
Головою ответят за сына;
Донесу, мол, что он большевик,
Что теперь он у красных. И точка...
И напуганный смертью старик
Выдаёт за него свою дочку.
Согласилась и старая мать
На семейной беседе.
Гармонист отказался играть,
Отвернулись от свадьбы соседи.
Пусто в хате. Никто не идёт.
Только с улицы в окна несмело
Наблюдает народ,
Чем окончится дело.

Мы вошли. И гостям
Поклонились с порога.
Сам Медведский встаёт и — к дверям:
— Что за люди?
— Идём из острога...
— Коли ласка... — и всех нас троих
Он к столу приглашает.
— За здоровье, — кричит, — молодых! —
Чарки нам наливает.

— Будем пить, как бывало.
Будем пить чередой:
За здоровье сначала...
— Молодой!..

— Молодой! —

Мы в лицо её смотрим сейчас,
А в лице ни кровинки,
Словно тут и не свадьба у нас,
А поминки...
Тут по струнам скрипач,
Как потерянный водит.
Не «Лявониха» — плач
У бедняги выходит.
Это что ж за порядок такой,
Что за скрипка такая?
Пилит батька родной,
Замуж дочку свою выдавая.
Почему головою поник?
Что не грянешь удало?
От игры ли отвык
Или выпито мало?
То ль хоронишь ты дочку в тоске
И от плача все струны оглохли?
То ль на светлом смычке
Твои слёзы ещё не обсохли?
Брось пиликать, приятель,
В хате
Немецкого зятя!
Ты смычком проведи басовито —
Пляшет Ворчик Никита.
Вот уж ватник снимает, взгляни,

Как на свадьбе он пляшет,
Пляшет так, как в бывалые дни
Все плясали по сёлам по нашим.
Пляшет, может, за сотню ног,
Громко плещет в ладони.
Входят люди толпой на порог —
Жаль, что нету гармонии.
И девочки становятся в круг,
Подпевают девочки,
Будто все очутились вдруг
На колхозной на свадьбе богатой;
Будто немцев село
Никогда не видало.
Будто солнце взошло,
Будто ночь миновала.
И как будто опять
В поле утро зовёт молодое
Рожь высокую жать,
Жито жать золотое.
Снова ясные дали встают,
И то громче, то тише
Перепёлки в жите поют...
Музыкант, неужель ты не слышишь?

Рад Медведский — и выпил изрядно,
И к тому же всё вышло так складно:
Стало шумно и людно в дому,
Мы — причина всему.
Полицейские должности нам
Обещает хозяин в награду.
— По рукам? — говорит.
— По рукам.
— Рады службе?
— Конечно же, рады.
В круг выходит он:
— Пью
Я за жонку свою,
А вторую я пью
За удачу свою,
За честное застолье,
За богатое поле,

Чтоб гречка цвела.
Чтоб речка текла,
Чтоб хлеба́ за рекою
Вилися трубою!

И он стискивает кулаки,
В грудь колотит: — По-моему будет!
Соловки, — он кричит, — Соловки
Меня вывели в люди!
Ферму я подпалил? Подпалил!
Признаюсь вам, люди.
Петухи, что я в полночь пустил,
Меня вывели в люди...
Тут встаёт, опираясь о стол,
Наш товарищ Зарудный.
— Ты, — сказал он, — не в люди пошёл.
А в Иуды...
И не жито тебе на полях,
А камня уродит земля.
Пил я чарку за молодую.
Пью другую
За мать, за отца,
За их сына-бойца.
Третью чарку я пью
За погибель твою!

Грянул выстрел в затылок Иуде,
Хоть этого мы и не ждали.
Не Зарудный стрелял.
Что за люди
С порога стреляли?
Что за люди? Из хаты выходим,
Но нигде никого не находим.
Мы торопимся — и не зря:
На востоке алеет заря,
Таёт сумрак, дорога светлей...
Вышли в поле. Хватился Никита:
Его куртка на свадьбе забыта
— Хорошо, — говорит он, — что в ней
Ничего не зашито...
Мы идём.
Начинается жито.

Постепенно привык я шагать
По лесам, по болоту,
Перескакивать с гати на гать
И с колоды гнилой на колоду.
Я смотрю — скоро кончится день,
Солнце вновь у меня за спиною.
Я привык... Узнаю свою тень,
Что шагает со мною.
Не один я — привыкли мы все
По воде ходить, по росе,
Через лес, через луг, через лог —
По дорогам и без дорог.

И СЛУЧИЛОСЬ, ЧТО МЫ НА ЗАКАТЕ ПРИШЛИ К ЛИЗАВЕТИНОЙ ХАТЕ.

В стороне от проезжей дороги
Стоит хуторок одинокий —
Лизаветина хата.
Мы стучимся...
Гостям она рада.
Тотчас стол Лизавета накрыла,
Нас к столу пригласила:
— Будьте ласковы...
Пили мы, ели.
Всем троим постелила постели:
Спит Смирнов на перине в доме,
Я в сарае на свежей соломе,
А для Ворчика место в клетки.

Сколько было хлопот Лизавете!
На солому пахучую лезу
Аж под самую крышу.
Тихо месяц встаёт из-за леса —
Сквозь расщелины вижу.
Я лежу себе, курткой накрытый,
В куртке знамя бригады зашито —
За него головой отвечаю...
Думы думаю...
Засыпаю...
То ли вправду, то ли чудится мне —
Заскрипели ворота сарая,
Наяву или, может, во сне
Зашуршала солома сухая?
Просыпаюсь я: — Кто это?
— Это...
Ты не спишь?.. Это я, Лизавета...
Я и в хате была — не спится,
Я и в клеть зашла — не ложится.
И сюда вот пришла я, вдовица...
Дозволь примоститься, —
Села рядом со мной Лизавета.
— А зачем вам шататься по свету? —
Говорит она, тихо вздыхая, —
Посмотри-ка, удача какая:
Живу я отлично,
Единолично...
Иль не любя, не мила?
Иль работаю мало?
Все луга покосила,
Нынче жито дожала...
Оставайся со мной честь по чести,
И пойдём мы с тобою вместе
По спокойной, ровной дорожке,
Ни войны тебе, ни бомбёжки...
Остаёшься?
— Пойду.
— До Урала.
Всё как есть немчуря позабрала.
Ты подумай...
— Что ты сказала?

— То, что немцы дошли до Урала, —
Так их радио передавало.
Путь далёкий. Достанет ли силы
Пепелища считать да могилы
По дорогам, а их не мало.
Ну?

— Пойду.

Лизавета встала.

— Душно тут, — говорит, — не спится, —
Снова в клеть заспешила вдовица.

.

В небе утреннем скрылся
Над жёлтою нивою сжатой,
С дальней тучкою слился
Дымок лизаветиной хаты.
Извиваясь, как змеи,
Всё дальше ведут нас тропинки.

ПОДНЕВОЛЬНЫЕ ЖНЕИ НАМ ПЕСНЮ ПОЮТ НА ДОЖИНКАХ.

Крестьянская хата
Стояла над светлой рекою.
И жил там оратай
С женою
И дочкой родною.

Пришла к ним недоля,
Пришла и назад не уходит:
По житному полю
Минёры немецкие бродят.

Зачем же высокое жито
Земля породила,
Коль немцами в жите зарыта
Нечистая сила?

— Жать нынче не станем, —
Хозяин жене объявляет.
Но дочку без хлеба оставить
Жена не желает.

Тайком поднялася,
На зорьке ушла за ворота.
На ниве своей занялася
Привычной работой.

Проснулся хозяин, дивится:
Немало нажатого жита.
Лежит его жница
Средь поля убита.

Её на кладбище из хаты
Снесли, схоронили,
Но дочку без хлеба оратай
Оставить не в силе.

Проснулася дочка и вышла:
Всё жито пожато.
Как сноп, на снопах неподвижно
Лежит её тата...

Средь поля стоит молодая,
Разводит руками.
Стоит и не знает,
Что делать теперь со снопами.

В копну, как могла,
Их сложила, вздохнула глубоко.
В деревню пошла,
Что за речкою недалёко.

Сказала соседям:
— Возьмите,
Возьмите копну золотую.
За эту копну окажите
Мне милость такую:
Срубите лесину,
Отцу домовину
Скорей из неё смастерите.
А в ту домовину
Меня, сиротину,

С отцом заодно положите.

.....

В небе утреннем скрылся
Над жёлтою нивкою сжатой,
С дальней тучкою слился
Дымок лизаветиной хаты.
Мы идём по равнинам,
Ту горькую песнь допеваем.
Долго ль, нет ли идти нам —
Об этом мы сами не знаем.
Не хотим говорить мы об этом,
Потому и запели.
Ходим, бродим по свету,
А дойдём ли до цели?
— И куда и куда мы идём?
Крикнул Ворчик со злостью. —
И в какую могилу несём
Непотребные кости?
Для чего эта вся кутерьма?
Может, правду вдова мне сказала,
Что коричневая чума
Доползла до Урала?
Может, нам через эту чуму
Не пройти, не уйти из неволи.
Что молчите? Кричу я кому?
Самому себе, что ли?
Или, может, на ветер кричу,
Может, слух ваше ухо утратило?..
Я хочу, самолично хочу
Слушать радио.
Поняли? Радио!

.....

Глушь. Отсюда советские люди
Тайком говорили с Москвою.
Чаща. Провод антенны
Высоко закинут на хвою.
И, шалаш охраняя лесной,
Белки носятся над головой.
И сюда — через топи, леса и поля —
Докатился неожиданно
От Москвы, от созвездий Кремля
Голос диктора Левитана...

Мы в лесу уже третий день,
Нам с приёмником трудно расстаться,
Перед ним я уселся на пенёк —
Не могу оторваться.
И к нему мои руки
Привыкли, как раньше к штурвалу.
Спать ложимся под звуки
«Интернационала».
Бьют часы. Молча думаю я,
Город свой вспоминаю.
Где-то бродит родная семья?
Где жена с малышами?
Не знаю.
Может, пали они под огнём,
Может, пуля в дороге догнала?..
Сводки слушаем ночью и днём, —
Сводки радуют мало.
Слышим: солнечный город наш
Взяли полчища вражьи...

Одиноко иду за шалаш,
Что ты, белка, мне скажешь?
Разве мало дорог
Я измерил своими ногами?
Разве жлобинский ров
Не своими я видел глазами?
Дети, матери, старики
В нём зарыты живыми.
Долго, долго пески
Шевелились над ними.
И сейчас, может быть,
Шевелятся тревожно.
Разве можно такое забыть?
Слышишь, белка? Нельзя, невозможно.
Разве лай душегубов,
Двуногой немецкой скотины,
Лязг стальной, барабаны и трубы
Слушать нам не противно?
Разве слушать не тягостно марши,
Марши фашистов?..
По земле мы идём иль по Марсу,
Зверёк мой пушистый?..

— Что сидим, комиссар полковой? —
Ворчик стал торопиться. —
Этак нам не видаться с Москвой
И к своим не пробиться.

**СНОВА ВЕТЕР ШУМИТ ПОЛЕВОЙ,
СНОВА СТЕЖКИ, ПРИГОРКИ, КРИНИЦЫ.**

Мы пошли.
Только вдруг отчего
Перестал торопиться Никита?
То внезапно потянет его
Отдохнуть возле жита,
То присядет на камень
В лесу на поляне
И в сапог свой полезет руками, —
Дескать, гвоздь ему ногу изранил,

То песчинку ругает потом,
Что под веко попала.

Не песчинка попала, а дом,
Где, наверно, жена ожидала.
Дом отцовский, знакомый порог —
Он зовёт неотступно, упрямо.
А в лесу — перекрёсток дорог,
Свороти и шагай себе прямо.

Мы садимся.
А Ворчик всё бродит, —
Знать, места себе не находит.

Дороги, тревоги,
Мгновенья, сомненья —
Цепляются ноги
В лесу за коренья.
На топкую гать,
Не видя, ступает.
Хотел бы отстать —
Решимости не хватает.
Догадались мы сразу, о чём
Так тоскует Никита...

Ночь свежа. Мы с Никитой вдвоём
Моей курткой накрыты.
Он ко мне повернулся спиной,
Спит. И я засыпаю.
Ночь. Над ним, надо мной
Глухо шепчет сосна вековая...

**Я ПРОСНУЛСЯ ПОЛНОЧНОЙ ПОРОЙ,
И ЗУБ НА ЗУБ НЕ ПОПАДАЕТ.**

Молчалив затуманенный лес.
Догорает костёр позабытый.
Где Никита? Никита исчез,
Нету рядом со мною Никиты.
Огляделся растерянно я,
Сердце вдруг онемело:

Где же знамя? Где куртка моя?
Что за странное дело?
Что придумаешь? Скажешь кому?
Разбудил я Смирнова.
— Знамя! Знамя! — твержу я ему. —
— Знамя! Знамя! — одно только слово.
Долго с ним, с комиссаром своим,
Мы кричали, аукали, звали.
Лес остался глухим.
Лес молчал.
Мы напрасно кричали.

Не ответила тёмная гать,
Не ответил Никита... Не мало
Он прошёл. До него уж, видать,
Наше слово не долетало.
Мы сидим у костра своего
И молчим. Говорить бесполезно.
Было знамя. И нету его.
Было знамя. И сразу исчезло.
А когда-то не раз меж собой
Мы мечтали с волнением, с жаром,
Что пойдём с этим знаменем в бой,
Что его сохраняем недаром.
А теперь? Горький дым
Нам глаза выедаёт.
Мы сидим и молчим,
И печаль нас к земле пригибает.
Не находится слов
В тяжком горе, средь ночи безлюдной.

Вдруг он вспомнил, что он не Смирнов,
Не Смирнов, а Зарудный,
Что он долг исполняет свой
И беде поддаваться не хочет,
Что он наш командир боевой,
А Никита — наводчик...
Не для радости, не для веселья
Шли мы к Ворчику на новоселье,

Взял он куртку. И я не пойму,
 Для чего это надо,
 Что за польза ему
 Уносить с собой знамя бригады?
 Может, он, собираясь домой
 От друзей своих тайно,
 Наше знамя с собой
 Захватил не случайно?
 Может, он через фронт перейдёт
 С дорогой своей ношей.
 Будет слава ему и почёт,—
 Дескать, парень хороший;
 Не какой-нибудь трус иль прохвост,—
 Про Никиту подумает каждый:
 Сам-де вышел и знамя принёс,—
 Значит, стоящий, стойкий, отважный.

Как кузнечик, часы на траве
 Молоточками бьют-забивают.
 Мы устали. Сидим.
 В синеве
 Паутинки плывут-проплывают...
 А быть может, к отцу
 Шёл он с думой иною:
 Захотелся беглецу
 Тишины и покоя?
 Может, жить пожелал,
 Как живёт Лизавета.

Но зачем тогда знамя забрал?
Не находим ответа.
С ним к немецким властям
Он задумал явиться, быть может,
Чтоб продать его там
Подороже.
— Вам,— он скажет,— принёс я его
Из горячего боя.
И за это прошу одного —
Тишины и покоя.
Пять минут, как одну,
На траве часы отсчитали.
Комиссар поднимается: — Ну!..
Мы опять зашагали.

.

Целый день мы брели
По лесам, по пригоркам, по скатам,
Поздно ночью в деревню вошли,
Постучалися в хату.
И на стук наш в ответ
Человек к стеклу припадает.
Он! Сомнения нет...
Двери нам открывает.
...В этой хате месяц назад
На постое немцы стояли,
За малиной ходили в сад,
Груши спелые рвали.
На чужие кровати
Ложились в хате
Три солдата, три сукиных сына.
Одному приглянулась некстати
Молодая хозяйка — Марина.
Захотел обвенчаться он с ней —
Для забавы, на несколько дней.
Не сдалась, не склонилась она,
На глумленья идти не хотела.
Под окном удавилась она,
Под окном на берёзе на белой.
Обвенчалась Марина с петлёй
Да с сырою могилой.

«Отомсти,— написала,— родной,
Отомсти им, мой милый.
Не хочу я невольницей жить,
Лучше сгину я, сгину...»

Говорит он, а голос дрожит.
Мы молчим.
Запалили лучину.
Нас за стол приглашает он сесть,
Предлагает нам ужин.
Нет, не сядем. Не хочется есть.
Ужин ненужен.
Может быть, мы устали? Тогда
Он постелет постели,
Вот запели уже кочета...
Нет, мы спать не хотели.
— Так зачем же пришли вы, зачем? —
Он спросил.— Что играете в жмурки?
Я ответил:
— Пришли мы затем,
Что у нас не находится куртки.
Ты, сдаётся, присвоил её...—
Он уходит за перегородку
И выносит, и отдаёт,
Виноватый и кроткий:
— Холод был... Вы ж могли и одной —
Комиссаровой курткой накрыться...
Из-за мелочи из-за такой
На меня вам не стоило б злиться...
— Да ведь знамя же в куртке лежит!
— Знамя? — Ворчик в лице изменился,
Побледнел, посерел. Говорит:
— Видно, ум помутился.
Лизавета пророчила мне,
Будто немец дошёл до Урала,—
Продолжал он, словно во сне,—
И подумал я:
Всё пропало!
Эта дума, эта беда
День и ночь не давала покоя.
Я совсем помешался, когда
Слушал радио под сосною.

Там решил я в ночи,
Под покровом зелёным,
Что уж лучше лежать на печи,
Что теперь не уйти из полона.
Надоело бродяжье житьё,
И надежда одна оставалась,
Что с женою найду забытьё,
Позабуду беду и усталость.
Больше думать не мог ни о чём.
Убежал, не простился.
Знамя!.. Я позабыл и о нём,
Торопился я, торопился.
Как домой я бежал!
Как минуты считал с нетерпеньем!..
Не застал я жены, не застал,
Не нашёл я забвенья.
Стал не мил мне отцовский порог
И углы родной хаты...
Знамя! Разве же вспомнить я мог,
Коль такая утрата?

Это правда, видать по всему.
Ничего тут не скажешь.
Если б мы не явились к нему,
Он про знамя не вспомнил бы даже.
Он забыл — понимаем без слов —
Всё на свете:
Кровь товарищей, славу бойцов,
Что клялись перед знаменем этим...
И сказал комиссар:
— Пошли!

Старики вслед нам молча глядели.
Мы им правду сказать не могли,
Огорчать не хотели.
Пусть не знают вовек
О позоре их сына,
Пусть решат, что пошёл человек
Отомстить за них,
За Марину,
И за дом родной, и за сад,
И за груши, и за малину.

Пусть с наградой назад
Ожидают старые сына.
Им и сын ничего не сказал,
Покидая родимую хату.
Ничего он в дорогу не взял,
Только взял под навесом лопату.

Он могилу копает сам,
Сам себе на лесной поляне.
Ожидаем мы. И без конца
Длится тяжкое ожиданье.
Пишем Ворчику приговор
Мы от имени нашей бригады.
Смотрит Ворчик, потупивши взор,
И не ждёт и не просит пощады.
Роет яму наш бывший друг
На лесной на поляне.
И сдаётся: не сосны вокруг
Здесь застыли в суровом молчаньи,
А бойцы батальонов и рот...
Мы их видим перед собою,
На их лицах и кровь, и пот,
И земля — после боя.
И, решимостью грозной полны.
Они требуют высшей меры
Убежавшему от войны
Человеку без веры.

Скоро нас колея полевая
Довела до родимого края,
До сторонки, где жил я и рос,
До знакомых дубов и берёз...
Здесь скворешник я видел не раз,
Где же этот скворешник сейчас?
Дуб столетний стоял на лугу.
Почему же ему
«Добрый день» я сказать не могу?
Не узнать мне деревни никак:
Где знакомые хаты, ветряк?
Где же школа? Ни школы, ни хат.
Только чёрные трубы торчат.

Лета бабьего тёплые дни.
Я на пне примостился в тени
И дневник продолжаю свой.
Ох, как хочется, братцы, домой!
Сына, дочку увидеть бы мне!
Дом отцовский — чуть-чуть в стороне,
Мне отсюда местечко видать,
До местечка — рукою подать.
Коль идти напрямиком до него, —
Вёрст двенадцать будет всего,
А направишься шляхом, —
Двенадцать с гаком.

Лёгок путь до родного села,
Только тяжко сидеть у стола.

А от сына услышу я:
— Ты из Минска привёл мне коня?

На пеньковой
Верёвке домой
Ни коровы
Я, ни копя
Не привёл с собой.
Не принёс для детей
Ни игрушек и ни сластей.
Лишь от каждого глаза принёс
По пригоршне солёных слёз.
Но никто этих слёз не попросит, —
Их у матери досыть.

Нет, не этак приду я в свой дом —
В новой каске приду, со штыком,
Не скитальцем и не бедняком, —
А войду я хозяином в дом,
Солнце в дом
Принесу, а не ночь.
Молоком
Напою свою дочь,
Посажу тогда сына я
На живого,
На боевого
Коня...

Будет время ребячьих утех,
Будет смех — я принёс им смех;
Будут слёзы — я детям принёс
Каску, полную радостных слёз...

А теперь не могу, не хочу
Видеть поле, и каланчу,
И родное местечко вдали,
И знакомые крыши...
— Пошли!
Листою, дубровы,
Мой след заметите!

**БЫВАЙТЕ ЗДОРОВЫ,
НАЗАД МЕНЯ ЖДИТЕ!**

Здесь всему я чужим кажусь,
Я в родные криницы гляжусь.
— Кто ты? — мне говорят они. — Чей?
Я гляжуся в лесной ручей,
И ручей по оврагу
Шумит:

— Это что за бродяга
Стоит?

— Ваш я, свой!
Здесь я жил, ходил,
Часто в летний зной
Вашу воду пил.

Но везде мне ответ один:
— Ты не Рыбка — Полын,

Рыбка был молодой,
А ты — с бородой...

Пусть я с бородою,
В лохмотьях постылых,
Но только бывшее

Забыть я не в силах.
Пусть взгляд мой темнее,

Пусть пальцы грубее, —
Тем крепче сомкну их
На вражеской шее!

Листою, дубровою,
Мой след заметите.

Бывайте здоровы,
Назад меня ждите!

Через жёлтую заметь лесов,
Мимо нашей стоянки,
По корням придорожных дубов
Друг за дружкой грохочут фурманки.
Ветер мёртвой листвою
Их следы замечает в печали.

— Эй, куда вы?

— Домой.

— Уходили, да вот опоздали...

— Не успели... Немецкие пули

Назад нас вернули...

Многих, многих я здесь узнаю, —
Часто с ними встречался, бывало.
Дед спросил про деревню свою:
Может, видел я? Что с нею стало?..
Но для всех я казался чужим,
Не узнали: зарос бородою...
Может, здесь и мои малыши,
Может, встречу с женою?
Едут люди, а ветер
Следы замечает и свищет.
Едут матери, дети
На родимые пепелища.
Мы с Зарудным лежим за дубами,
Молчаливы и строги.
Впереди перед нами
Перекрещиваются дороги.
Мы глядим из засады,
Как движутся вражьи отряды
По дорогам на крепких машинах,
В шинелях мышиных.
Нам видать: две фурманки
У обочины стали, —
Их немецкие танки
С дороги согнали.
Люди слезли, коней распрягают,
Костёр разжигают.
Хлопчик босый бежит меж дубами
За дровами,
Хлопчик с русыми волосами,
С голубыми глазами.
Я увидел, сдержаться не мог,
Я окликнул его:
— Василёк!
С удивлением глядя,
Он стоит предо мною:
Что, мол, это за дядя
С такой бородою?
Золотая
Нас осыпает
Пурга,
Лист осенний по ветру несётся.

— Жил ли в Минске ты, хлопчик?
— Ага.
— Где же батька твой?
— С немцами бьётся.
— Как из Минска ты уходил,
На квартире коня позабыл;
Ты катался на этом коне,
Не хотел расставаться.
Конь сгорел. Василёк, в огне...
— Пусть сгорел. Не хочу я кататься.
— А чего же ты хочешь?
— Хлеба кусочек.
Хлеб? В мешочке у нас
Оставалось немного.
Неприкосновенный запас —
Полбуханки на всю дорогу.
Я достал из мешочка:
— Бери...
Это хлеб для тебя и сестры.
Ешь его на здоровье... Бери же...
Робко он подошёл поближе,
Подошёл и глядит на нас —
Люди добрые, хоть и чужие,
И не верит, и сами из глаз,
Как горошины, крупные,
Не скупые,
Слёзы сыплются, катятся вниз,
Скорбно падают у подножья —
На сухую траву, на опавший лист
И на сердце мне тоже...
Я отдал ему хлеб, а сам
Стал за дубом шумливым
И гляжу, как бежит по кустам
Хлопчик с хлебом,
Счастливый.
Словно сразу не стало забот, —
Мчится с ношей своей к фурманке,
Словно хватит на целый год
Этой памятной полбуханки.
Мчится босый мальчонка к семье

Пряником без дорог и дорожек —
По листве, по холодной земле
И по сердцу мне тоже..
То ль дорога меня извела,
Что не мог я глядеть, —
Не знаю,
Но глаза мне застлала мгла,
И пошли мы, и след замела,
Замела метель золотая.

Вылез месяц — серебряный рог, —
Осветил из-за тучи болотце.
Мы ползём.
Слышат кочки и мох,
Как в груди моей сердце бьётся.
Проклинаем мы первый ледок,
Что хрустит под локтями.
Перед нами сена стожок,
Часовой, солдат перед нами.
Немец дремлет, и — нечего ждать,
Всё равно обойти невозможно!
Подползли. Задушили.
Опять
Продвигаемся осторожно.

Мы на воле,
Блужданьям конец!
Перед нами советский боец,
Перед нами Родина снова!
И сказать не могу я ни слова,
Лишь губами к земле приник.
И целую её молчаливо...

Нет, пишу я не просто дневник —
Приговор выношу справедливый.
Я на кровь на людскую глядел,
На пожары, на пепел летучий
И не в строки собрать их хотел,
А в могучую тучу,

Чтоб ответили наши враги
В судный день за свои преступления.
Пусть же пламенем дышат листки!
Пусть же молний разящих штыки
Весь, от первой до этой строки,
Приговор приведут в исполнение!

ЭПИЛОГ

Больше года минуло с той даты,
Много в море воды утекло,—
И по зимней дороге бригада
Чётким шагом входила в село.
Щёки ветер холодный лижет,
Иней лёг на ушанки,
На халаты и лыжи,
На танки и санки.
Каждый шёл — молодец молодцом,
Глядя твёрдым, уверенным взглядом,
Вёл полковник Зарудный бойцов —
Командир бригады.
И село их встречало
Во всей их суровой красе.
Кто сказал, что бригады не стало.
Что погибли товарищи все?
Кто поверит, друзья,
В небылицы такие?
Вот она, боевая семья,
Вот они, дорогие,
Молодые да рослые,
Городские, колхозные,—
Вот они, словно белая туча,
Грозно движутся через снега.
Скоро, скоро ударом могучим
Разнесут они в клочья врага!

1942.

Отв. редактор **А. СУРКОВ.**

А—09480 Подп. к печати 16/VIII 1946 г.

Заказ 1616.

Тираж 100.000.

Типография газеты «Правда»
имени Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 60 коп.